

В.А. Бароне

АНГЛИЙСКАЯ КОРОНА И ЖИТЕЛИ НОРМАНДИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.:
ПРОБЛЕМА ПРИНЕСЕНИЯ ОММАЖА

В 1337–1453 гг. между Англией и Францией разразилась война, которая получила в историографии наименование Столетней. С особой силой она развернулась в первой половине XV в. после того, как английский король Генрих V Ланкастер завоевал Нормандию и обязал всех ее жителей принести ему оммаж.

Цель статьи – исследовать причины, по которым нормандцы приносили клятву верности англичанам, действия английского правительства в отношении тех, кто сразу отказался это делать, и тех, кто впоследствии нарушил свои вассальные обязательства, условия, на которых в это время можно было получить королевское прощение.

Ключевые слова: Англия, Франция, герцогство Нормандия, Столетняя война, Генрих V Ланкастер, вассально-ленные отношения, клятва верности, оммаж.

В августе 1415 г., после очередного в истории Столетней войны перемирия, английские войска во главе с королем Генрихом V Ланкастером снова высадились на континенте. Завоевав крепость Арфлер и разбив французов в битве при Азенкуре, они вернулись обратно в Англию. Однако ровно через два года, в августе 1417 г., последовала вторая вооруженная экспедиция англичан во Францию. На этот раз действия Генриха V проходили под лозунгами восстановления исторической справедливости и возвращения Англии «незаконно» отнятого у нее «наследства». Под «наследством» имелась в виду прежде всего

В.А. Бароне

Нормандия, которая до этого была английской 140 лет – с 1066 г., когда герцог Нормандский Вильгельм пересек со своей армией Ла-Манш, высадился на юге Британских островов, овладел всеми существующими здесь англосаксонскими королевствами и стал королем Англии, сохранив, естественно, за собой и Нормандию, по 1206 г., когда Нормандия вместе с некоторыми другими областями на севере и северо-западе королевства (Мен, Анжу, Турень и Пуату) была отвоевана у Иоанна Безземельного Филиппом II Августом.

Учитывая вышесказанное, задачей Генриха V отныне становится не типичное для средневековых армий разорение и опустошение территорий противника в ходе стремительных и молниеносных набегов (так называемых «chevauchés»), а завоевание Нормандии – провинции, которая когда-то принадлежала его предшественникам, и установление в герцогстве постоянного английского господства. К концу 1419 г. это завоевание оформилось окончательно. Единственным, кто уцелел перед натиском англичан, оставалось лишь аббатство Мон-Сен-Мишель. Покорив Нормандию, Генрих V учредил здесь автономную от остальной Франции администрацию и потребовал от местных жителей принесения ему вассальной клятвы верности.

В историографии изучение «английской Нормандии» первой половины XV в. проводилось авторами отдельно в рамках политической, военной, реже социально-экономической истории данного периода, поэтому в вопросе о вассалитете они ограничивались, как правило, простой констатацией того факта, что жители завоеванного герцогства должны были приносить оммаж англичанам, иначе их земли и имущество подлежали конфискации¹. В настоящей статье мы уделим этой проблеме более пристальное внимание и рассмотрим такие ее аспекты, как формулировка подобных клятв, причины, по которым нормандцы присягали на верность Ланкастерам, их позиции в отношении завоевателей, меры английского правительства против всех непокорных, а также условия, на которых оно даровало прощение своим новым подданным.

Основными источниками для нас были «письма помилования» («lettres de remission»), которые английское правительство Нормандии выдавало различным категориям обвиняемых – нарушителям общественного порядка и жителям герцогства, замешанным в пособничестве «врагам и противникам» короля Англии, то есть политическим преступникам². Благодаря отсутствию в тексте пи-

Английская корона и жители Нормандии...

сем исправлений их основного содержания (секретарь или писарь канцелярии, как правило, ограничивались лишь тем, что облекали просьбу обвиняемого о прощении в стандартную, характерную для писем помилования, юридическую форму, не прибегая при этом к литературным правкам) в них содержится весьма живое и, что называется, «из первых рук» описание сельских будней герцогства, повседневной жизни города и деревни, нравов и обычаев северной Франции.

Исследование этих документов позволяет обозначить баланс между теми, кто с завоеванием Нормандии примкнул к англичанам, и теми, кого последние в указанное время называли «мятежниками и непокорными». Именно «письма помилования» помогают понять мотивы, которыми руководствовались нормандцы, когда переходили на службу к королю Англии, увидеть, насколько частыми были случаи подобного «предательства» и каково было его социальное происхождение, иначе для какой конкретно социальной прослойки в большей степени было характерно поведение, направленное на сотрудничество и помочь «захватчикам».

Итак, оказавшись в Нормандии, Генрих V потребовал от всех ее жителей вассальной клятвы верности. Нормандцам, принесшим оммаж королю Англии, согласно указу Генриха от 9 февраля 1419 г., должны были выдаваться специальные «свидетельства» (billette, billette de ligence), подтверждающие данный факт³. Так, 17 февраля 1419 г. в Понторсоне Джон д'Арундель и де Мальтравер, хранитель договоров (с Иоландой Арагонской, королевой Иерусалима и Сицилии, и ее сыном, Людовиком, герцогом Анжуйским. – В. Б.), выдал подобное «свидетельство» Мишелю де ла Тюису, жителю Каантана. В нем говорилось: «Сообщаем, что мы приняли под наше покровительство и защиту нашего суверенного сеньора короля Генриха, милостью Божьей монарха Франции, Англии, герцога Нормандии и сеньора Ирландии, Мишеля де ла Тюиса из прихода Каантан, принесшего необходимую клятву верности и ставшего тесным человеком короля, со всеми его наследственными владениями, женой, семьей и каким бы то ни было имуществом»⁴. 5 марта 1419 г. рыцарь Джон Эштон, капитан Кутанса и баллии Котантена, предоставил аналогичное «свидетельство» Колену Батайю, из того же Каантана. «Да знают все, – уточнялось в документе, – что мы, Джон Эштон, капитан Кутанса, баллии Котантена и комиссар короля нашего суверенного

В.А. Бароне

сеньора, приняли под покровительство и защиту этого сеньора Колена Батайя, из Каантана, который принес оммаж нашему сеньору королю и стал его тесным человеком и подданным, со всем его имуществом, семьей и владениями»⁵.

В июле 1432 г. советники английского короля Робер Жоливе, аббат Мон-Сен-Мишеля, Джон Фастольф, великий домоправитель (grand maistre d'ostel) регента Франции герцога Джона Бедфорда, и Рауль ле Саж, сеньор де Сен-Пьер, от имени Генриха VI приняли «клятву быть и оставаться истинным и покорным подданным короля нашего сеньора, охранять и поддерживать окончательный мир, установленный между королевствами Франция и Англия (договор в Труа, заключенный 21 мая 1420 г. – В. Б.) и жить в этом послушании и покорности» у недавнего мятежника (paquere rebelle) Ришара ле Пеньи. «Всем офицерам и подданным нашего короля <...>, включая всех остальных сеньоров, капитанов, охранников городов и крепостей, мостов, дверей и дорог» было дано распоряжение, «чтобы названному Ришару ле Пеньи, его жене, детям и слугам, нашим подданным, вместе с их имуществом и любыми другими вещами, они <...> позволили пребывать и оставаться в нашем послушании и подданстве, не причиняли им страданий, не беспокоили и не мешали в том, что касается их жизни или имущества, ни каким-либо другим способом»⁶.

Таким образом, свидетельствуют источники, человек, который намеревался стать подданным английского монарха, приносил ему так называемый тесный оммаж, а тот в свою очередь брал под свое покровительство и обязывался защищать не только его самого, но также всю его семью, слуг, имущество и земли. В этой связи любопытно отметить мотивы, побуждавшие жителей Нормандии присягать на верность Ланкастерам.

Одной из наиболее распространенных причин этого явления источники называют тяжелые материальные условия, вызванные длительной войной. В частности, согласно «письму помилования», датированному мартом 1425 г., Колен ле Вейан, дворянин из прихода Ла Ферьер-Аренга, после английского завоевания Кана «или вскоре после этого» принес оммаж Генриху V, в котором «он постоянно пребывал и находился»⁷. Однако если бы он не остался в своем доме и не продолжил свою работу, говорится в документе, то лишился бы всех средств к существованию. Поэтому «для того, чтобы обеспечить свою жизнь, а также жизнь своей жены и детей (которых у него, судя по тексту, было «от 10 до 12»), Колен был

вынужден оставаться дома», принести клятву верности новым властям и никуда не уезжать из захваченного англичанами Вира, как сделали многие другие⁸.

По данным «письма помилования» от 1428 г., Жан де Бонваль, портной из Нуайона, «по принуждению голода и нищеты, а также многих других крайностей, с тем, чтобы обеспечить свою жизнь и свое бедное существование, решился вести войну с нашими врагами (французами. – В. Б.), всегда, в свою очередь, придерживаясь нашей (Генриха VI. – В. Б.) стороны и стороны нашего покойного дорогого кузена герцога Бургундского»⁹. Вместе с англичанами и бургиньонами Жан участвовал в осаде Ла Карьер де Бонвеля, удерживаемого французами, а также в набегах на многие другие французские города, во время которых, подчеркивается в документе, он «никого не ранил, не причинил никакого насилия и <...> не сделал никому зла, за исключением разве что отнятых продуктов»¹⁰. Однако когда «названный обвиняемый увидел, что может работать (у себя дома. – В. Б.), – специально оговаривается в тексте, – он все оставил и прекратил к тому же участвовать в военных действиях, но занялся своим трудом и ремеслом и ничем более»¹¹.

21 сентября 1449 г. Карл VII даровал «отпускную грамоту» (lettre d'abolition generale) Раулю Жоливе, доктору права, кюре приходской церкви Барантоня в диоцезе Авранш и пребендария (chanoine prebende) церквей Кутанса, Мэна и Авранша. В условиях войны и завоевания северофранцузских территорий, «чтобы сохранить источники существования» и те «доходные бенефиции» (bons benefices), которые у него были в Нормандии, Рауль Жоливе был просто вынужден, сообщается в грамоте, пойти на сотрудничество с «врагами и противниками» англичанами, «часто с ними общаться, всячески содействовать, помогать советом, помощью и другими возможными средствами», которые предполагались его вассальными обязательствами, «не вмешиваясь тем не менее в войну» против французов¹².

В некоторых случаях на решение жителей герцогства принести клятву верности англичанам могли повлиять их родственные связи с теми, кто ранее уже примкнул к завоевателям. Так, нормандец Жаке дю Катель, член английского гарнизона Гамби под командованием капитана Эдмонда Чарльза, согласно «письму помилования» от 24 августа 1433 г., принес оммаж Ланкастерам прежде всего потому, что английским подданным был его отец Пьер дю Катель. Именно по этой причине Жаке «всегда проживал в нашем (Генри-

В.А. Бароне

ха VI. – *В. Б.*) истинном повиновении, не общаясь ни с кем, кто бы держал сторону, противоположную нам, поэтому надо сказать и предположить, что он нисколько не хотел и не хочет благоприятствовать и поддерживать наших врагов (французов. – *В. Б.*), а также принимать их каким-либо образом»¹³.

Вместе с тем известно, что Жаке принимал участие в организованном французами вооруженном походе на Карантан. Их войско с Гийо Бейёлем во главе, судя по тексту, собралось в районе Гебекеврона. Оттуда через Грень, где они соединились с еще одной группой, возглавляемой рыцарем Анри Карбонелем, нормандцы двинулись на Карантан, к которому подошли «вечером, ближе к ночи». Здесь они сожгли поместья, в которых размещалась городская охрана, убили маршала Томаса ле Пти, утопили в городской реке Тот многих англичан и удалились, прихватив с собой добычу¹⁴. Этот поход стал для завоевателей полной неожиданностью: повстанцы подошли к замку в тот момент, когда многие уже спали, а ушли до того, как англичане смогли организовать против них защиту.

Видимо, о тех же самых причинах, побудивших Жана ле Тейёра, сына Жульена ле Тейёра, фермера из виконства Байё, а также Жаннена и Луи Мишеля, сыновей Колена Мишеля, земледельца из Валони, стать подданными английской короны, сообщается в «письмах помилования», датированных февралем и мартом 1423 г. соответственно¹⁵.

Основанием для того, чтобы нормандец принес оммаж Ланкастерам, могло быть его положение слуги у любого проанглийски настроенного сеньора или солдата английской армии. Так, по свидетельству «письма помилования» от 16 декабря 1433 г., Колен Пезан, житель виконства Кутанс, был слугой английского рыцаря Рауля Тиссона, поэтому «в путешествиях, которые тот выполнял для нас (Генриха VI. – *В. Б.*), <...> очень часто находился с ним и на его службе»¹⁶. Несмотря на это, предпринятый в конце декабря 1432 г. поход Жана Алансонского и Жана ле Брюона со 120 конными латниками на удерживаемый англичанами Сен-Ло проходил при непосредственном участии присоединившегося к нему отряда Рауля Тиссона, недавнего «мятежника и предателя» (*rebelle et traître*) короля Англии, в составе которого числился и Колен Пезан. Поскольку в распоряжении Совета Генриха VI графу Арунделю, посланному оказать им сопротивление, содержалось требование при необходимости вступить с повстанцами в сражение или «отразить наступление каким-либо другим спо-

собом», численность и намерения французов были самыми серьезными. Данное обстоятельство заставило Генриха VI 24 декабря 1432 г. провести дополнительный набор 8 конных латников и 32 лучников под командованием Ричарда Кёрсума для того, чтобы усилить гарнизон Руана в дни рождественских и новогодних праздников, «когда враги имеют обыкновение совершать свои нападения и предательства», и тем самым еще больше обезопасить город, большая часть гарнизона которого под командованием графа Арунделя, капитана Руана, направилась на помочь осажденному Сен-Ло¹⁷.

Наконец, согласно апрельскому письму от 1424 г., Жиль де Луантран, бедный дворянин из прихода Сен-Жермен-де-Лизо, служивший во многих французских гарнизонах, но однажды плененный англичанами Верней, вынужден был «согласиться служить им и держать нашу (Генриха VI. – В. Б.) сторону, и принес в этом клятву верности» Гийому Кампене, члену названного гарнизона, поскольку не мог заплатить за себя выкуп¹⁸.

Таким образом, среди мотивов, побуждающих жителей Нормандии связывать себя узами вассалитета с завоевателями, в наших источниках упоминаются, прежде всего, тяжелые материальные условия жизни населения в герцогстве, вызванные продолжительной войной; родственные связи некоторых из них с теми, кто до этого уже примкнул к англичанам; положение слуги у любого «отрекшегося француза»; и невозможность в случае пленения внести за себя выкуп.

Параллельно с этим во многих «письмах помилования» об оммаже нормандцев Ланкастерам сообщается просто – как о свершившемся факте. Такие документы позволяют нам увидеть если не причину, по которой это было сделано, то, по крайней мере, позицию, занимаемую жителями герцогства в отношении англичан даже после принесения ими клятвы верности. В частности, то обстоятельство, что Гийом де Мон, суконщик из Лувьера, «принес клятву верности перед людьми нашего покойного сеньора и отца (Генриха V. – В. Б.), назначенных ее принять, и получил свое свидетельство, как с тех пор это стало принято», не помешало ему, судя по тексту, присоединиться к антианглийскому заговору в городе, спланированному сторонниками бургиньонов с целью передать его в руки короля Франции Карла VI¹⁹. Гийом Энфруа, священник, согласно «письму помилования», датированному мартом 1424 г., был посредником между своими прихожанами и французскими солдатами из Сенонша, несмотря на то, что вместе с жителями

В.А. Бароне

г. Легла «все свое время был и остается добрым, истинным и лояльным подданным и тесным человеком, как по отношению к нашему покойному дорогому сеньору и отцу (Генриху V. – *Б. Б.*), так и по отношению к нам (Генриху VI. – *Б. Б.*), не придерживаясь какой-либо стороны, противоположной нам»²⁰. Филиппо Башеле, «бедный земледелец» из Гишенвиля, по свидетельству еще одной мартовской грамоты того же года, «с тех пор, как город Еврё был приведен и поставлен в наше (англичан. – *Б. Б.*) повиновение, привнес клятву верности быть нашим тесным человеком и подданным; и с этого времени всегда оставался в этом повиновении, как в названном городе Еврё <...>, так и в этом месте Гишенвиле, <...> живя здесь от своего труда»²¹. Английские власти приговорили Филиппо к тюремному заключению на том основании, что он продавал зерно французам из крепости Иври, и т. д.

Таким образом, параллельно с нормандцами, которые отка-зались присягать на верность англичанам, существовали и те, кто по тем или иным причинам согласился это сделать. Однако даже принесенный оммаж английской короне в указанных об-стоятельствах не мог гарантировать Ланкастерам ни верности, ни преданности со стороны их нормандских подданных. Они участвовали в антианглийских заговорах, в вооруженных экспе-дициях французов (пример с Жаке дю Кателем), поддерживали тесные отношения с солдатами Карла VII, оказывая им всячес-кое содействие.

Все это подтолкнуло английские власти к принятию репрессив-ных мер против непокорных. Согласно тому же декрету Генриха V от 9 февраля 1419 г., имущество и земли сторонников профранцуз-ской ориентации подлежали конфискации в пользу короля Анг-лии²². Так, в декабре 1422 г. Генрих VI даровал всаднику Николасу Бердеть в качестве вознаграждения за услуги, «которые он ока-зывал нашему дорогому и любимому дяде Джону, регенту нашего королевства Франция, герцогу Бедфорду, продолжает оказывать каждый день и, надеемся, еще будет это делать», земли и сеньории Бонибок, Маннвиль и Пимпар, в епископстве Льежа бальяжа Руан, «вместе со всеми принадлежностями», которые раньше держал экюье Базиль Жан, а также «земли, сеньории, ренты, доходы и владения, которые до этого принадлежали рыцарю сиру де Морни, расположенные в бальяжах Руана и Ко нашего герцогства Нор-мандия <...> стоимостью 1000 зол. экю годового дохода»²³. Извес-тно, что 7 марта 1420 г. в день своей свадьбы с Жанной Брюн и де Брамкот Николас Бердеть получил от Генриха V сеньорию Тейель,

конфискованную у Жоффруа д'Уасси, мятежного французского экюйе (есуе^{rebel}), и его жены Катерины де Гаркур, а 14 марта 1423 г. теперь уже великий «bouteiller» герцогства Нормандия и лично регента Франции Джона Бедфорда был пожалован сеньорией Дампье в бальяже Ко²⁴.

В июне 1423 г., «принимая во внимание добросовестную службу, которую Томас ле Бурк, наш человек и тесный подданный, проживающий в Байё, оказывал нашему покойному дорогому сеньору и отцу (Генриху V. – B. B.) <...>, нам (Генриху VI. – B. B.) и нашему <...> дяде <...> Джону Бедфорду, <...> как на должностях наместника нашего виконта Байё, которую он исполнял длительное время, так и иным образом, оказывает каждый день, и, надеемся, будет оказывать в будущем», а также учитывая «рвение и желание осуществлять правосудие, проявленные и исполненные им в отношении бригандов и других наших врагов и противников», Томас ле Бурк получил от английского короля «все земли, цензы, ренты, доходы, наследственные владения и держания, которыми Жанна де Кюи, вдова Гийома д'Октиевиля, и Жан де Вильер располагали в бальяже Кана, в виконтстве Байё и окрестностях, со всеми принадлежностями <...> вместе с домом, которым владел священник Жан дю Боску <...> в городе Байё на улице Сен-Николя де Куртиль, с двором, садами, арендами и другими принадлежностями <...> общей стоимостью 72 турских ливров (далее – т. л.) годового дохода»²⁵.

12 апреля 1427 г. в знак признательности за «великие и значительные услуги, которые <...> Гийом де ла Поль, граф Саффолк и де Дрё, оказывал в прошлое время нашему покойному сеньору и отцу (Генриху V. – B. B.), <...> как на войне, так и другим образом, продолжает оказывать каждый день нам и нашему <...> дяде <...> Джону Бедфорду, многими и различными способами, <...> по совету дяди, <...> согласно содержанию настоящих писем, <...> специальной милостью, <...> и полной королевской властью» Генрих VI передал своему кузену «замок, землю и сеньорию Шантелу вместе с землей и сеньорией Креанс со всеми принадлежностями, расположенные в бальяже Контантен, стоимостью 500 т. л. годового дохода по состоянию на 1410 г., которые раньше принадлежали Жанне Пенель»²⁶, жене Луи д'Эстутвилля, капитана Мон-Сен-Мишеля, и т. д.

Источники свидетельствуют, что конфискациям в пользу короля Англии подвергалось имущество и земли не только тех нормандцев, которые сразу отказались приносить ему клятву

В.А. Бароне

верности, но также тех, кто разорвал уже ранее принятые на себя вассальные обязательства, поскольку и первые, и вторые квалифицировались англичанами как «мятежники и непокорные (rebelles et desobeissants)». Так, имущество Жанны Пенель было изъято и передано графу Саффолку «из-за неподчинения и непокорности» самой Жанны и ее мужа²⁷. А Томасу ле Бурку, наместнику виконта Байё, земельные и иные владения четырех жителей города со всеми принадлежавшими им рентами и доходами были переданы на том основании, «что названная вдова, де Кюйи, де Вильер и дю Боск являются отсутствующими в нашей сеньории и сделались мятежниками и непокорными»²⁸.

В деревнях и городах земли, изъятые у тех, кто отказался приносить клятву верности новому правительству, были отданы колонистам, которые на время военных кампаний, верные принципам службы вассала у сюзерена, должны были формировать отряды феодального ополчения. Конфискованные владения могли передаваться английским капитанам за обязательства снабдить ближайшие замки гарнизонами и содержать в них воинские контингенты, соответствующие значимости фьефа. Многие изъятые у «мятежников» земли шли на вознаграждение присоединившихся к английскому монарху «отрекшихся французов» – «некоторые из них выкупали эти земли у тех, кому король Англии даровал их раньше, или брали в аренду»²⁹, а часть конфискованного имущества продавалась с торгов в пользу королевской казны³⁰.

Конфискованные сеньории, замки и земли «со всеми принадлежностями», то есть двором, садами и различными сооружениями, а также «цензами, рентами, доходами, наследственными владениями и арендными поступлениями» могли передаваться англичанам пожизненно³¹ или, как в случае с Томасом ле Бурком, – «в полную и постоянную наследственную по линии прямых потомков мужского рода собственность» на условиях выполнения новыми держателями определенных обязательств и выплат ленных поборов (рельефов), следуемых королю как суворену³². При отсутствии наследников мужского пола земли возвращались короне для последующей передачи в дар новым собственникам. В результате значительная часть территории Нормандии благодаря проводимой в герцогстве политике конфискаций сосредоточилась в руках англичан и присоединившихся к ним французов.

На фоне подобного ужесточения режима за жителями Нормандии долгое время сохранялась возможность покориться новой

власти. В марте 1422 г. Генрих V объявил всеобщую королевскую милость («*la grace et abolicion generale*»), согласно которой всем «*absents*», т. е. тем, кто в знак протesta бежал из захваченной англичанами Нормандии в соседнюю Бретань и другие неподвластные им области, разрешалось до конца июня 1422 г. вернуться обратно, чтобы присягнуть на верность новому правительству: «<...> воспользовавшись всеобщей милостью, объявленной Нами в марте месяце, которой помимо всего прочего Мы предоставили всем отсутствующим герцогства Нормандия, которые имеют “свидетельства о принесенной клятве верности” и у которых их нет, и которым милость уже была оказана ранее не более одного раза, возможность вернуться под наше покровительство до дня Св. Иоанна Крестителя <...>»³³. Таким образом, до установленного праздника сроки обращения французских подданных в подданных английской короны продлевались для тех нормандцев, которые никогда не связывали себя узами вассальной верности с Ланкастерами. Равно как возможность принесения повторного оммажа, согласно этой «королевской милости», в течение всего указанного времени сохранялась и за теми жителями герцогства, которые когда-то уже приносили необходимую в таких случаях клятву, но впоследствии отказались от нее, примкнув к партии «врагов и предателей» английского монарха. Особо подчеркивалось, что на королевское снисхождение могли рассчитывать только те нормандцы, которые до этого приносили оммаж не более одного раза³⁴.

Мартовское распоряжение 1422 г. не было первым в своем роде. Практика предоставления королевского прощения тем нормандцам, которые в определенные сроки явятся к королю, его комиссарам или наместнику в герцогстве, чтобы присягнуть на верность новому правительству, была начата Генрихом V еще в сентябре 1417 г., практически сразу же после взятия Кана. Впоследствии подобные ордонансы издавались в октябре 1417 г., дважды в феврале, марте³⁵, апреле и ноябре 1418 г., дважды в сентябре 1419 г. Примеры неоднократно предпринимаемых английскими властями попыток привлечь на свою сторону население Нормандии говорит не только о явном нежелании многих ее жителей связывать себя узами вассалитета с завоевателями, но и о широко распространенных в это время массовых отказах от соблюдения ранее принесенных ими обязательств. Именно поэтому объявленная в марте 1422 г. «королевская милость» была «всеобщей» и распространялась как на «*abullettez*», так и на «*non abullettez*».

В.А. Бароне

В распоряжении Генриха VI от 14 февраля 1431 г. за нормандцами еще сохранялась возможность принесения оммажа английскому королю, но ни о каких конкретных сроках речи уже не шло. Генрих VI просто предоставил своим советникам Роберу Жоливе, Раулю ле Саж и Джону Фастольфу «все полномочия, власть и специальное поручение» от своего имени принимать у «всех сеньоров, герцогов, графов, баронов, рыцарей, всадников и других», проявивших покорность и желание, «клятву быть и оставаться нашими добрыми и преданными вассалами, поданными и повинующимися, в общем совершать все остальные, требуемые и необходимые в таких случаях действия ради благополучия короля и его сеньории»³⁶.

Наличие сроков принесения вассальной клятвы верности ставило нормандца, не явившегося к королю по истечении указанного времени, в ситуацию, обрекающую его на жизнь бриганда, не имеющего другой, кроме уже предоставленной, возможности стать поданным английского монарха. Поэтому упразднение конкретных сроков в изданных по этому поводу королевских ордонансах можно объяснить также тем, что английское правительство, не испытывая большой надежды преодолеть сопротивление местного населения принудительными мерами и силой оружия, предпочло скорее простить всех, кто когда-либо выразит такое намерение, нежели создавать условия, обязывающие их продолжать бороться.

Казалось бы, это дало свои результаты: в декабре 1431 г. Генрих VI передал «письмо помилования» Жану Донние, портному из Нотр-Дам-де-Саний³⁷; в декабре того же года – Раулю Жовену, крестьянину из Нижней Нормандии³⁸. В феврале 1432 г. Роберт де Уиллоугби, наместник Генриха VI и регента Франции герцога Бедфорда, даровал королевское прощение Колину Жильберу, крестьянину из Ла Рошели (в виконтстве Авранш)³⁹. Согласно июльскому письму от 1432 г., под защиту английской короны принимался Ришар ле Пенни с женой, детьми, слугами и всем имуществом⁴⁰. Однако, следуя текстам, выясняется, что упомянутый Жан Донние был пленен англичанами и брошен в городскую тюрьму за то, что в пьяном состоянии язвительно сказал охранникам дверей у въезда в Кутанс, куда он направлялся на рынок, что арманьяков и короля Карла Французского, несмотря на то, что уже дважды был ими арестован, он любит больше, нежели англичан и Генриха Английского. То же самое Жан повторил еще раз перед наместником капитана города, к которому его

отвели охранники, после чего его доставили к виконту Кутанса. И поскольку Жан так и не отказался от собственных слов, его бросили в городскую тюрьму, где держали в глубокой бедности и нищете около двух месяцев. Когда же дело дошло до судебного разбирательства, обвиняемый заявил, что ничего не помнит о том, что когда-то кому-то сказал, поскольку был сильно пьян, и не понимает, как вообще оказался в тюрьме⁴¹.

Крестьянин Рауль Жовен обвинялся в соучастии с королевским сержантом Коленом Менгре и королевским служащим Коленом Бретонским в убийстве одного англичанина, который вместе с другим английским солдатом, находящимся в тот момент в доме Колена Бретонского, натворил, по словам королевского сержанта, «много зла в его сержантерии», за что, собственно, они и собирались с ними расквитаться⁴². Колен Жильбер, крестьянин из Ла Рошели, был брошен в тюрьму Авранша за пособничество бриганду по имени Тустен, который напал на него и которому он даже заплатил за себя выкуп, несмотря на то, что так и не вернулся обратно в Томблен, где когда-то служил. Защищаясь на суде, Колен подтвердил, что действительно «несколько раз встречался с врагами короля нашего сеньора (Генриха VI. – В. Б.), но никогда не воевал против кого-либо из его подданных, так же как не находился ни в одной из занятых французами крепостей, если только не больше полугода»⁴³. К тому же он просто не мог, оправдываясь обвиняемый, поступить иначе, поскольку в случае отказа сотрудничать Тустен грозился убить его и выбросить его мертвое тело в речку. Поэтому Колен был вынужден согласиться служить бриганду, «чтобы избежать смертельной опасности, перед которой он оказался»⁴⁴.

Можно, конечно, согласиться с тем, что Жан Доннийе не помнил, что сказал городским охранникам, поскольку был сильно пьян. Однако он якобы не помнил, что сказал им, только тогда, когда дело дошло до судебного следствия. До этого его два раза водили – сначала к капитану города, потом к виконту Кутанса, – чтобы он в их присутствии лично подтвердил свои слова, и вот тогда он почему-то помнил, что наговорил в тот день англичанам. Неужели Колен Жильбер за те месяцы или, может быть, даже годы, что он находился в компании бригандов, не мог, если бы захотел, найти ни одной возможности, ни одного подходящего случая выбраться из так называемого плена? Вспомним, что с ними он, между прочим, не просто, как некоторые бриганда, ради наживы и выкупа совершил свои разбойные нападения, а целых

В.А. Бароне

шесть месяцев провел в захваченной французами крепости, где, видимо, все-таки принимал участие в военных действиях против англичан, иначе зачем тогда нужно было столько времени там находиться. Другой крестьянин, Рауль Жовен, убил не кого-нибудь, а англичанина, который грабил и разорял его же соотечественников. Один только Ришар ле Пеньи, кажется, добровольно явился к английскому королю, чтобы принести ему клятву верности, и то, как следует из текста, уже во второй раз. Все остальные были пленниками – факт, доказывающий в том числе и то, что далеко не всеми жителями Нормандии король Англии рассматривался как легитимный правитель.

Таким образом, многие нормандцы, которые с завоеванием герцогства отказались помогать захватчикам, не спешили пользоваться периодически открывающейся для них с появлением очередного королевского ордонанса возможностью принести оммаж Ланкастерам, открыто демонстрируя свои антианглийские чувства и настроения.

Характерно, что дворяне, которые в условиях внешнего давления сначала пошли на сотрудничество с завоевателями, но потом разорвали связывающие их с английской короной сеньориальные отношения, лишились подобных преимуществ и не имели возможности повторного принесения оммажа. Так, «письмо помилования», выданное в августе 1424 г. Джоном Бедфордом от имени Генриха VI Робину Эме, уроженцу Бомон-ле-Рожера, которого обвиняли в том, что он находился в компании нескольких бригандов, когда те убили одного из двух захваченных ими английских солдат, было предоставлено этому сообщнику французов, в первую очередь, на том основании, что он не являлся дворянином: «<...> принимая во внимание эти вещи <...>, – подчеркивается в документе, – чтобы избежать разрушения и сокращения народонаселения страны, которые иначе могут последовать, желая помилования <...>, Мы <...> объявляем о прощении <...>, учитывая, что названный проситель не является дворянином, главным капитаном и зачинщиком этого сборища, а также виновным в убийстве или каком-либо преступлении»⁴⁵.

По свидетельству «письма помилования», датированного сентябрем 1424 г., многие из перечисленных в тексте жителей различных нормандских деревень, которые подняли антианглийское восстание, поддавшись ложным слухам о поражении герцога Бедфорда в битве при Вернейе, согласно условиям королевского помилования, были восстановлены в «их доброй

славе и репутации», получили назад все конфискованное «имущество, наследства и владения», а также возможность вернуться «в свои земли». Исключение, судя по тексту, делалось лишь для тех из них, «кто был дворянином, а также главным капитаном и руководителем этого сбираща»⁴⁶. Аналогичные «письма» были дарованы Джоном Бедфордом в августе 1424 г. Гийому Биану, жителю Понт-Одемера; в сентябре 1424 г. – Жану ле Пури из Берне и 38 обвиняемым из Понт-Одемера; в январе 1425 г. Жану ле Сенешалю из того же Берне и 3 ноября 1425 г. Жану Пьёделиевру из Понт-Одемера⁴⁷.

Чем мог быть вызван запрет английского правительства принимать повторную клятву верности у нормандских дворян? Ответ на этот вопрос нам видится в следующем. Дворяне были земельными собственниками, многие из которых владели сразу несколькими феодами. Когда французский, а точнее, нормандский дворянин приносил оммаж английскому королю, он приносил его и за свои фьефы, которые в таких случаях как бы заново получал в пользование из рук своего нового сеньора. Имущество и владения тех нормандцев, кто отказался от соблюдения принятых на себя вассальных обязательств, согласно февральскому декрету 1419 г., подвергались конфискациям в пользу короля Англии с последующей передачей в дар за оказанные услуги английским капитанам и рыцарям. В результате добрая часть нормандской территории, замки и сельские сеньории оказались в руках англичан.

Очевиден тот факт, что при повторном принятии оммажа у нормандского дворянина английское правительство, по логике вещей, должно было возвратить ему его имущество, которое к тому моменту могло принадлежать уже другому владельцу. То есть восстановление в правах прежнего держателя приводило бы только к постепенному отчуждению сконцентрированной у англичан земли. Поэтому вероятно предположить, что, заменяя представителей родового дворянства из среды местного населения на английских феодальных собственников, правительство Генриха V и Генриха VI сознательно формировало в герцогстве слой новой земельной знати⁴⁸. Это выглядело особенно актуальным, если учитывать, что не все получатели нормандских наделов были военнослужащими: среди их владельцев в это время было немало представителей гражданской администрации и духовенства, а значит, защита собственных владений и поставка в королевскую армию определенно-го, в соответствии со значимостью и доходами фьефов, количества

В.А. Бароне

латников и лучников были не единственными мотивами, которые лежали перед земельными пожалованиями.

Внедряя таким образом английский элемент в местную феодальную систему, Ланкастеры получали удобную возможность для контроля над захваченной территорией непосредственно изнутри. Поставив над коренным населением феодалов из числа англичан, Генрих V и Генрих VI в условиях, когда английские финансовые ведомства очень неохотно предоставляли им свои средства для расходов на Францию, могли контролировать поступление доходов с таких владений в королевскую казну. Так, сосредоточение земель в руках завоевателей становилось экономической основой их присутствия на территории герцогства.

Кроме того, не стоит забывать и о военной функции таких земельных пожалований, которая заключалась, прежде всего, в том, что их получатели в качестве вассалов должны были формировать отряды феодального ополчения. Их задача состояла не только в защите собственных владений, что само по себе уже было важно в ситуации ежегодно раскрываемых властями антианглийских заговоров в городах Нормандии и непрекращающихся стычек с солдатами Карла VII (на протяжении всего времени иностранного присутствия на севере Франции они поддерживали тесные отношения с местным населением и зачастую проникали далеко в глубь захваченного герцогства), но также в отвоевании, согласно условиям договора в Труа, тех территорий, которые еще находились под властью дофина. Таким образом, сохранение земельных владений в руках французских дворян, располагающих определенной военной силой, которую при необходимости они могли использовать и против англичан, было постоянным источником потенциальной угрозы для Ланкастеров на континенте.

В связи с периодически объявляемыми ордонансами короля о прощении интересно проследить, на каких условиях правительство англичан в Нормандии даровало его своим подданным. Одним из самых распространенных условий, на которых обвиняемый мог получить королевское помилование, согласно нашим источникам, было его неучастие в военных действиях против англичан. Так, в «письме помилования» от января 1424 г. сообщается, что, бежав после убийства своего односельчанина «за пределы нашего (англичан. – В. Б.) повиновения», Робен Мюда, житель прихода Месниль-Може, состоял «в компании некоторых из наших противников и врагов», французов. Высочайшее прощение он полу-

чил, прежде всего, потому, что все это время, подчеркивается в тексте, жил «от своего труда, не вмешиваясь никоим образом в войну»⁴⁹.

7 декабря 1426 г. «письмо помилования» было выдано Жану Ражу, «простому землемельцу» из Иври, которого обвиняли в том, что он покинул город вместе с французами, когда Иври был отвоеван англичанами, и в течение двух с половиной лет «держался в землях, находящихся в подчинении наших врагов и противников»⁵⁰. Среди условий, на которых Жан получил королевское помилование, на первом месте фигурирует то, что все это время он жил своим трудом и «ничем более», «не вооружался», «не вмешивался в войну каким-либо образом, но всегда занимался своим ремеслом»⁵¹. В марте 1432 г. Гийом Блондель, сапожник из Берне, был обвинен в убийстве своего соседа, Гийома Бургюйя, который обещал передать ему акр земли в обмен на уплату своей части налога⁵². После того, как Бургюй скончался, Блондель бежал к своим родственникам в другую деревню, где был пленен «нашими (Генриха VI. – В. Б.) врагами и противниками из гарнизона Бонмулен». Французы долгое время держали его пленником «в кандалах и в яме, в большой бедности и нищете» до тех пор, пока «не вынудили его открыть свое сапожное ремесло». При этом Гийом отмечал, что, став сапожником у французов, он «не вмешивался каким-либо образом в войну»⁵³ и т. д.⁵⁴

Так, мотив войны в ситуации непрекращающихся боевых действий между англичанами и французами становится определяющим не только для человеческого, но и для правового сознания. Если говорить о последнем, то участие в военных действиях на стороне противника, а также любое другое сотрудничество с врагами (служба с принесением клятвы верности, сознательная сдача крепостей и замков, шпионаж в их пользу, получение денег и знаков отличия) квалифицировалось в судебной практике рассматриваемого периода как предательство или измена, т. е. акт, направленный против существующей власти и государства. Именно принадлежность к противнику во время войны, другими словами, иностранцу, с чьей страной все королевство в данный момент находится в состоянии внешней агрессии, часто в юридических и иных документах той эпохи являлась синонимом предательства. При этом «враг королевства», покушающийся на величие страны, покушался и на величие короля, олицетворяющего собой это королевство. Такие преступления входили в категорию уголовных дел «leze-majesté» и характеризовались как посягательство на власть монарха и ох-

В.А. Бароне

раняемый ею мир в обществе. Практически при любом правонарушении, входящем в названную категорию, применялась смертная казнь через повешение.

Однако не всегда, как показывают наши источники, за такое, казалось бы, «непростительное» преступление, как участие в военных действиях на стороне французов, английское правительство Нормандии выносило обвиняемым смертный приговор. В частности, 17 января 1427 г. «письмо помилования» получил Жан Имбер, цирюльник из Сен-Жерве де Се. Его обвиняли в пособничестве монахам Сен-Жерве, которые сдали эту крепость французам, а также в том, что некоторое время спустя, когда крепость вновь была отвоевана англичанами⁵⁵, он покинул ее «вместе с нашими врагами и противниками», с которыми находился «в течение одного года или около того». Королевское помилование было даровано Жану Имберу на том условии, что «названный обвиняемый с тех пор был вместе с ними (французами. – В. Б.), выполняя свое ремесло и ведя скромный образ жизни, <...> не вмешиваясь как-либо в военные действия»⁵⁶. Примечательно, что это был не первый раз, когда Жан Имбер пытался добиться высочайшего прощения: «желая всем своим сердцем вернуться в наше (англичан. – В. Б.) добре и истинное повиновение», несколько лет назад за те же самые «преступки» он уже получал «sauf-conduit» от графа Салисбери, главного наместника Генриха V в Нормандии. Единственным оправданием тому, что Жан Имбер покинул крепость и какое-то время жил «с нашими противниками», для королевского лейтенанта послужил тот факт, что «упомянутый обвиняемый не вмешивался так или иначе в войну, но всегда жил от своего ремесла цирюльника и хирурга, не навлекая на себя порицания»⁵⁷. Испугавшись, как сказано в тексте, телесных наказаний и конфискации имущества, которые могут последовать для него в будущем, Жан Имбер тем не менее бежал тогда из Нормандии.

В 1428 г., по сообщению «письма помилования», датированного 26 декабря 1431 г., французы из Божанси-сюр-Луара пленили Робине Ле Дуаена, жителя Лиона-ла-Форе и сержанта этого же шателенства, «как потому, что он всегда придерживался партии нашего покойного кузена Бургундского, так и по той причине, что он состоял на этой должности сержанта в момент его плена»⁵⁸. Обвиненный в связях с французами, которые в сентябре 1429 г. захватили крепость Этрепаньи, Робине Ле Дуаен, согласно тексту, получил королевское помилование на том условии, что, бежав из Этрепаньи в соседний Бове, «он мир-

но держался в этом городе при помощи своих родственников и друзей, не вооружаясь и не ведя войны»⁵⁹. Однако в документе содержится оговорка, что вместе с Рикарвилем, французским партизаном, который в ночь с 3 на 4 февраля 1432 г. захватил Руанский замок, Ле Дуаен участвовал в двух военных экспедициях в окрестностях Бове. При этом, правда, уточняется, что он «был вооружен только своей шпагой»⁶⁰.

Во французской и российской исторической науке существует точка зрения о том, что мотив войны в рассматриваемый период имел большее отношение к юридической фикции, нежели соответствовал реальному положению вещей. Изучая правовую реформу во Франции в указанное время и связанную с ней политику королевских прощений, даруемых преступникам, исследователи пришли к заключению, что большинство дел, где приговор несет в себе стереотипы преступности, так или иначе было связано с военными действиями⁶¹. Можем ли мы на основании наших свидетельств говорить о том, что для «английской Нормандии» данное замечание было также справедливо, как и для остальной Франции первой половины XV в.? Не исключая такой возможности, думается, в этой связи уместно также сказать о том, что выдача «писем помилования» была важным источником доходов для английской казны в Нормандии⁶². По названной причине власти Ланкастеров вполне могли в «особых» случаях «закрывать глаза» на состав преступления и предоставить обвиняемому свое прощение.

Обязательным условием получения королевского помилования было также непричинение ущерба подданным английского короля. Так, 16 марта 1425 г. королевское прощение кюре из Сен-Мартен-де-Шампо, Ги дю Мелю, было даровано не только потому, что он не вмешивался в войну, но также потому, что он не совершил «никаких предосудительных вещей по отношению к нам (Генриху VI. – В. Б.) и нашим добрым и лояльным подданным»⁶³. Согласно «письму помилования» от 29 марта 1426 г., Реньо Дави, торговец и земледелец из Майо, которого обвиняли в том, что он поддерживал отношения с бригандинами и оказывал им некоторые услуги, получил королевское помилование в силу того, что его действия не нанесли никакого ущерба английскому королю и его подданным⁶⁴. Пьер Авенель, земледелец из Алансона, который принимал в своем доме французов из гарнизона Ла Ферте Бернара, в мае 1426 г. получил королевское прощение на основании того, что в результате этого «не последовало непри-

В.А. Бароне

ятностей, потерю и ущерба для наших (короля Англии. – *B. B.*) поданных и покорных»⁶⁵ и т. д.⁶⁶

В следующих документах мы находим объяснение формулы «непричинение ущерба нашим подданным». Так, Жан Сюар, дворянин из Еврё, которого обвиняли в убийстве бриганда-разбойника и побеге из Нормандии, получил королевское помилование на следующих условиях. Несмотря на то что «в течение этого времени <...> он находился в компании наших врагов и противников и вместе с ними совершал многочисленные набеги и в ходе этих набегов грабил как они», Жан Сюар, говорится в «письме помилования», датированном июлем 1423 г., делал все это, «не присутствуя, не помогая, не соглашаясь совершить какое-либо убийство, не насилия женщин и не оскверняя церквей»⁶⁷.

Пьер Кошон, который по причине войны (*pour double de la guerre*) бежал из Кастильона, где проживал, и «в течение некоторого времени держал сторону наших врагов и противников», получил королевское прощение на тех же условиях. Пьер был схвачен англичанами в тот момент, когда находился в лесу с бригандами, которым относил аксельбанты. После того, как англичане конфисковали его имущество, он бежал сначала к бригандам, потом в Бретань, а оттуда снова к бригандам⁶⁸. «И с тех пор ходил и появлялся с ними какое-то время, грабя, разоряя, беря выкуп и совершая вместе с ними многочисленные злодействия, однако названным обвиняемым, – записано в тексте, – не было совершено убийства, изнасилования девушек или женщин и осквернения церквей»⁶⁹. В ноябрьском «письме помилования» от 1424 г. особо подчеркивается, что когда плененный англичанами Пьер Бруман бежал в Дре к французам, вместе с которыми он участвовал во многих военных кампаниях, то все три месяца, что он находился с названными «врагами и противниками английского короля», Пьер жил «благодаря продуктам, провизии и сборам, которые они брали с земли, не убивая, не насилия женщин и не оскверняя церквей»⁷⁰.

Убийство и сексуальные преступления были тем, что в Средние века называли непростительными (*irremisibles*), иначе – самыми опасными преступлениями. По утверждению французской исследовательницы К. Говар, изучавшей «письма помилования» французских королей от Карла V до Людовика XI, именно такие преступления наряду с участием в военных действиях на стороне противника были прямым неповиновением, т. е. неповиновением королевским ордонансам, и только такое сотрудничество с непри-

ятелем, которое сопровождалось названными преступлениями, классифицировалось в юридической практике как преступление *leze-majesté* и каралось смертной казнью⁷¹.

Таким образом, на примере Нормандии, завоеванной в начале XV в. англичанами, мы попытались рассмотреть проблему принесения оммажа жителями герцогства своему новому сеньору Генриху V и его преемникам.

Примечания

- ¹ *Басовская Н.И.* Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 48–66; *Она же.* Столетняя война: леопард против лилии. М., 2003; *Она же.* Генрих V во Франции: нерожденная империя // Человек XV столетия: грани идентичности. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 69–78; *Земляницын В.А.* Французская политика королевского дома Ланкастеров (1399–1435 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010; *Newhall R.A.* The English Conquest of Normandy 1416–1424. L., 1929; *Idem.* Master and Review. A Problem of English Military Administration, 1420–1440. Cambridge, 1940; *Jacob E.F.* Henry V and the Invasion of France. L., 1947; *Allmand C.T.* Lancastrian Land Settlement in Normandy, 1417–1450 // The Economic History Review. 1968. Т. 21. № 3. P. 461–479; *Idem.* Lancastrian Normandy, 1415–1450. The History of Medieval Occupation. Oxford, 1983; *Jouet R.* La résistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen, 1969; *Bourassin E.* La France anglaise, 1415–1453: Chronique d'une occupation. P., 1981; *Contamine Ph.* La «France Anglaise» au XV siècle: mythe ou réalité? // La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111e Congrès national des sociétés savantes, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie. Т. I. P., 1988. P. 17–29; и др.
- ² Actes de la chancellerie d'Henri VI concernant la Normandie sous la dominion anglaise (1422–1435), extraits des registres du Tresor des charters aux Archives nationales / Publ. par P. Le Cacheux. P.-Rouen, 1907. Т. I–II (далее – Акты из канцелярии Генриха VI); Pièces diverses relatives au Mont-Saint-Michel et à la défense nationale en Basse-Normandie pendant l'occupation anglaise // Chronique du Mont-Saint-Michel / Publ. par S. Luce. P., 1879–1883. Т. I–II.
- ³ Известны случаи, когда нормандцы получали такие «свидетельства» и раньше, в середине 1418 г. По сообщению «письма помилования» от 27 апреля 1423 г.,

Б.А. Бароне

после того, как Лувьер был завоеван англичанами (город капитулировал 23 июня 1418 г. – *B. B.*), Гийом де Мон, местный суконщик, «принес клятву верности (англичанам. – *B. B.*), <...> и получил свое свидетельство, как с тех пор это стало принято (ainsi quil estoit lors acoustumé)». *Actes de la chancellerie d'Henri VI. T. I. P. 18.*

- ⁴ *Chronique du Mont-Saint-Michel. T. I. P. 92.*
- ⁵ *Ibid. P. 92–93.*
- ⁶ *Ibid. P. 319–320.*
- ⁷ *Actes de la chancellerie d'Henri VI. T. I. P. 213.*
- ⁸ *Ibid.*
- ⁹ *Letters of Henry VI. T. I. P. 23.*
- ¹⁰ *Ibid. P. 23–28.*
- ¹¹ *Ibid. P. 28.*
- ¹² *Chronique du Mont-Saint-Michel. T. II. P. 221–222.*
- ¹³ *Ibid. P. 22.*
- ¹⁴ *Ibid. P. 22–24.*
- ¹⁵ *Actes de la chancellerie d'Henri VI. T. I. P. 3–6, 8–11.*
- ¹⁶ *Ibid. P. 29–30.*
- ¹⁷ *Chronique du Mont-Saint-Michel. T. II. P. 14–15, 29–32.*
- ¹⁸ *Actes de la chancellerie d'Henri VI. T. I. P. 85.*
- ¹⁹ *Ibid. P. 18.*
- ²⁰ *Ibid. P. 63.*
- ²¹ *Ibid. P. 74–75.*
- ²² *Chronique du Mont-Saint-Michel. T. I. P. 100, 120–121, 124–125, 129 примеч. 1, 132 примеч., 140 примеч., 141 примеч., 230 примеч., 245 примеч., 257 примеч., 258–259, 263, 285 примеч., 314 примеч.; T. II. P. 105–106, 207, 219–220.*
- ²³ *Ibid. T. I. P. 120–121.*
- ²⁴ *Ibid. P. 121.*
- ²⁵ *Ibid. P. 124–125.*
- ²⁶ *Ibid. P. 258–259.*
- ²⁷ *Chronique du Mont-Saint-Michel. T. I. P. 258–259.*
- ²⁸ *Ibid. P. 124–125.*
- ²⁹ *Chartier. T. I. P. 240.*
- ³⁰ *Chronique du Mont-Saint-Michel. T. I. P. 124, n.1.*
- ³¹ *Le Cacheux P. Introduction // Actes de la chancellerie d'Henri VI. P. VIII.*
- ³² *Ibid. P. 259.*
- ³³ *Chronique du Mont-Saint-Michel. T. I. P. 128.*
- ³⁴ *Ibid. P. 128–129, 142–143.*
- ³⁵ Распоряжением от 21 марта 1418 г. Генрих V приказал герцогу Глостеру предоставить всем мятежникам срок в две недели, чтобы покориться новой власти. *Lefèvre-Pontalis G. La Guerre des Partisans dans la Haute Normandie*

- (1424–1429) // *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. Vol. 54–57. P., 1893–1896.
T. 54. P. 477, n. 2.
- ³⁶ *Chronique du Mont-Saint-Michel*. T. I. P. 319.
- ³⁷ *Ibid.* P. 300–302.
- ³⁸ *Ibid.* P. 302–304.
- ³⁹ *Ibid.* P. 304–305.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 320.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 300–302.
- ⁴² *Ibid.* P. 302–304.
- ⁴³ *Ibid.* P. 305.
- ⁴⁴ *Ibid.*
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 143.
- ⁴⁶ *Actes de la chancellerie d'Henri VI*. T. I. P. 105–106.
- ⁴⁷ *Chronique du Mont-Saint-Michel*. T. I. P. 143–144, n.
- ⁴⁸ Не случайно, согласно ордонансу Генриха V от 1420 г., английским собственникам нормандских земель было запрещено продавать их не английским подданным короля Англии: «дома и наследственные владения, дарованные англичанам, – говорилось в этом документе, – не могут быть проданы нормандцам и переданы человеку, родившемуся не в королевстве Англия». Данный ордонанс оставался в силе до 1445 г., а возможно, даже до конца английского присутствия в Нормандии (*Allmand C.T. Lancastrian Land Settlement ... P. 467–468*).
- ⁴⁹ *Actes de la chancellerie d'Henri VI*. T. I. P. 61–62.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 397–399.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 398.
- ⁵² *Ibid.* P. 243–245.
- ⁵³ *Ibid.* P. 245.
- ⁵⁴ *Actes de la chancellerie d'Henry VI*. T. I. P. 140, 219; T. II. P. 90–91, 207.
- ⁵⁵ Судя по документам, французы удерживали Сен-Жерве-де-Се приблизительно восемь недель (*Ibid.* T. II. P. 12, 24).
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 8.
- ⁵⁷ *Ibid.* P. 9.
- ⁵⁸ *Ibid.* P. 168.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 170.
- ⁶⁰ *Ibid.* P. 171.
- ⁶¹ Тогоева О.И. Понятия «преступление» и «наказание» в уголовном праве и судопроизводстве Франции конца XIII – начала XV века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 199; *Gauvard Cl. Crime, Etat et société à la fin du Moyen Age*. P., 1991. 2 vol. P. 205.
- ⁶² Так, «письмо помилования», датированное апрелем 1425 г., сообщает, что братья Жан и Лоран Дрюоны, из прихода Брюльмей, по пути в столицу герцогства на заседание Руанского Совета потеряли часть денег, на которые планиро-

Б.А. Бароне

вали «приобрести» королевское прощение по факту убийства двух англичан, разорявших дома в этом приходе. Согласно «письму помилования» от октября 1425 г., у Рауля Корну, жителя Граншама, пожелавшего принести оммаж английскому монарху, не оказалось денег для того, чтобы получить королевское прощение. Роже Анфруа, сосед Рауля, к которому тот обратился за помощью и содействием в получении помилования, ответил, что «без денег он не сможет ничего сделать». *Actes de la chancellerie d'Henry VI. T. I. P. 220–224, 266–267.*

⁶³ *Actes de la chancellerie d'Henry VI. T. I. P. 219.*

⁶⁴ *Ibid. P. 308–311.*

⁶⁵ *Ibid. P. 335.*

⁶⁶ *Actes de la chancellerie d'Henry VI. T. I. P. 30–31, 61–62, 100, 119, 152, 161–163, 391–393, 398; T. II. P. 146–149, 171.*

⁶⁷ *Ibid. T. I. P. 43.*

⁶⁸ *Ibid. P. 72–74.*

⁶⁹ *Ibid. P. 73.*

⁷⁰ *Ibid. P. 142.*

⁷¹ *Gauvard C. Résistants et collaborateurs pendant la guerre de Cent ans: le témoignage des lettres de remission // La «France anglaise» au Moyen Age. T. I. P. 123–138.*